

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности части 2 статьи 307, статьи 417
Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с
обращениями Матцакова Самата Аскаровича и
Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича

8 октября 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны – Матцакова Самата Аскаровича, Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича;

стороны-ответчика – Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц – Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности,

Токтакунова Кумарбека Кыдырбековича, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Мадалиева Рустама Каримовича, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности, Кадыровой Айжан Аалыевны, представителя Адвокатуры Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности части 2 статьи 307, статьи 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращения Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж., а также обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Айдарбековой Ч.А., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 10 января 2025 года поступило ходатайство Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. о проверке соответствия части 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК), предусматривающей вынесение судом частного определения в отношении обвинителя и защитника за нарушение ими порядка в судебном заседании, статье 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64, частям 4, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему материалов, в отношении адвоката Жаныбекова Н.Ж. Октябрьским районным судом города Бишкек было вынесено частное определение за нарушение порядка в судебном заседании, предписывающего Адвокатуře Кыргызской Республики (далее – Адвокатура) и Министерству юстиции Кыргызской Республики рассмотреть вопрос о прекращении действия его лицензии на право занятия адвокатской деятельностью. Данное частное определение суда было обжаловано в апелляционном порядке, однако производство по жалобе было прекращено. Суд апелляционной инстанции мотивировал свое решение тем, что частное определение предназначено для обращения внимания соответствующих должностных лиц на выявленные факты нарушения закона, требующие принятия соответствующих мер, а потому не подлежит обжалованию, поскольку уголовно-процессуальный закон не предусматривает такой возможности.

Авторы обращения отмечают, что правомочие судьи выносить частное определение в отношении действий и поведения адвоката в судебном заседании в рамках уголовного судопроизводства было введено с принятием новой редакции УПК. Ранее суд обладал правом применения мер воздействия ко всем участникам судебного разбирательства, за исключением государственного обвинителя и защитника.

По мнению заявителей, предоставление суду указанного полномочия в отношении адвокатов изменило баланс процессуальных гарантий, установленных для сторон. В связи с этим обращающаяся сторона ссылается на положение статей 55, 64, части 2 статьи 56 Конституции, предусматривающих гарантии прав и свобод человека и гражданина, в том числе правомочие законодателя определять права и обязанности адвокатов в их высокой роли защищать права и свободы граждан, а также принцип запрета принимать государством законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека.

Исходя из этого, заявители полагают, что оспариваемая норма ухудшает правовое положение адвокатов, противоречит указанным конституционным положениям и создает предпосылки для оказания давления на адвоката в процессе осуществления им профессиональной деятельности.

Вместе с тем, заявители указывают, что нарушение баланса процессуальных гарантий усугубляется отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве механизма обжалования частных определений суда.

Следовательно, как отмечено в ходатайстве, подобное правовое положение противоречит конституционным гарантиям, закрепленным в частях 1, 2 статьи 61 Конституции, и ограничивает использование предусмотренных законом средств правовой защиты.

Кроме того, по мнению обращающейся стороны, отсутствие процессуального механизма пересмотра таких судебных актов в вышестоящей инстанции свидетельствует о нарушении требований частей 4 и 5 статьи 100 Конституции, устанавливающих обязанность законодателя обеспечить возможность обжалования решений судов для лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются.

В совокупности заявители усматривают в оспариваемом регулировании правовую неопределенность, как в части правомочия суда выносить частное определение в отношении адвоката, так и в отсутствии установленного законом порядка его обжалования, что, по их мнению, порождает негативные последствия для лица, в отношении которого оно вынесено, включая репутационные и профессиональные риски.

С учетом изложенного, заявители просят признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 10 февраля 2025 года ходатайство Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. было принято к производству.

В Конституционный суд Кыргызской Республики 15 января 2025 года поступило еще одно ходатайство Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. о проверке той же оспариваемой нормы на соответствие статье 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64 Конституции.

Указанное ходатайство имеет единый предмет обращения и правовые доводы, во многом схожие по содержанию с доводами, приведенными в предыдущем их ходатайстве.

В дополнение к ранее изложенным позициям заявители обращают внимание на то, что оспариваемая норма, устанавливающая содержание и назначение частного определения как акта суда, фактически предусматривает возможность применения меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, тем самым, придавая частному определению дисциплинарный характер, не предусмотренный его правовой природой.

В свою очередь, наделение суда таким полномочием, по мнению обращающейся стороны, выходит за пределы его процессуальной компетенции и приводит к вмешательству судебной власти в сферу регулирования адвокатской деятельности, которая, согласно статье 64 Конституции, относится к компетенции независимого профессионального сообщества и регулируется специальным законом — Законом Кыргызской Республики «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» (статьи 8, 8-1).

Ввиду чего, заявители полагают, что предоставление суду права выносить частное определение в отношении адвоката в качестве меры воздействия за неподчинение распоряжениям суда противоречит Конституции и нарушает принцип самостоятельности и независимости адвокатуры.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 14 февраля 2025 года ходатайство было принято к производству и, учитывая однородность требований в вышеуказанных обращениях, дела были соединены в одно конституционное судопроизводство.

В судебном заседании обращающаяся сторона внесла ходатайство об увеличении объема требований, указав на необходимость проверки конституционности также статьи 417 УПК в контексте неурегулированности в ней полномочий апелляционной инстанции по рассмотрению жалобы (представления) на частные определения судов первой инстанции.

Конституционный суд своим определением от 8 октября 2025 года включил статью 417 УПК в предмет конституционной проверки.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. не согласился с доводами заявителей и считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции. В обоснование своей позиции он привел нижеследующие доводы.

Судопроизводство должно осуществляться в строгом соответствии с предписаниями процессуального закона, который возлагает на суд ответственность за обеспечение порядка в судебном заседании и надлежащее исполнение процессуальных обязанностей всеми участниками процесса.

В этой связи ключевая роль в обеспечении процессуального порядка принадлежит председательствующему судье. Согласно положениям УПК, судья руководит судебным заседанием, обеспечивает равноправие и состязательность сторон, следит за соблюдением порядка. Распоряжения судьи, направленные на поддержание дисциплины и организацию разбирательства, обязательны для всех присутствующих и подчеркивают его ответственность за законность и порядок (статьи 292, 305, 307 УПК).

В контексте указанных полномочий председательствующего судьи обязанность соблюдать процессуальную дисциплину и распоряжения суда возлагается, в том числе и на адвоката как представителя стороны защиты. Адвокат, являясь участником судебного процесса, должен проявлять уважение к суду и другим участникам, соблюдать нормы процессуального законодательства и профессиональной этики, а также способствовать законному и справедливому установлению обстоятельств дела путем

надлежащего представления доводов и участия в исследовании доказательств (пункт 3 части 5 статьи 53, часть 1 статьи 49, части 2, 3 статьи 292, часть 1 статьи 317 УПК; пункт 5.1 Кодекса профессиональной этики адвокатов Кыргызской Республики).

Нарушение этих обязанностей влечет применение предусмотренных законом мер: при неподчинении распоряжениям судьи рассмотрение дела может быть отложено, а суд вправе вынести частное определение и направить его в компетентный профессиональный орган (часть 2 статьи 307 УПК). Указанное частное определение адресуется в Адвокатуру ввиду того, что привлечение адвокатов к дисциплинарной ответственности находится в компетенции органов профессионального сообщества адвокатов (статья 64 Конституции, статьи 8, 8-1 Закона «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности»).

По мнению Ысыранова С.К., суть института частного определения заключается в выражении судом реакции на действие либо бездействие, которое, по его мнению, нарушает установленный порядок осуществления уголовного судопроизводства. Такая «реакция суда» не может являться предметом самостоятельного обжалования, поскольку по своему содержанию частное определение не влечет для лица, в отношении которого оно вынесено, непосредственных правовых последствий или обязанностей и, следовательно, не может рассматриваться как мера наказания, средство давления либо запугивания адвоката.

При этом лицо, в отношении которого вынесено частное определение, вправе присутствовать на заседании Комиссии по этике, представлять свои доводы и в случае несогласия с принятым решением обжаловать его в судебном порядке. Таким образом, возможность участия на заседании и последующего обжалования акта Комиссии обеспечивает реализацию права лица на защиту своих интересов и исключает произвольное воздействие со стороны суда. В этой связи доводы заявителей о нарушении их права на судебную защиту, по мнению Ысыранова С.К., являются несостоятельными.

Основываясь на изложенном, Ысыранов С.К. просит ходатайства Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. оставить без удовлетворения.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. также не согласился с доводами заявителей, изложенными в обращениях, и в своей правовой позиции привел аргументы, аналогичные представленным стороной-ответчиком.

Вместе с тем, он обращает внимание на то, что положения конституционных законов «О статусе судей Кыргызской Республики» и «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах» закрепляют принципы независимости судебной власти, равенства сторон и обязательности судебных актов, что подтверждает законность и правомерность института частного определения как элемента процессуального контроля и правовой дисциплины. В этой связи вынесение судом частного определения не порождает для адвоката каких-либо уже наступивших правовых обязательств или последствий и не может рассматриваться как форма давления.

При несогласии с действиями председательствующего судьи могут быть внесены возражения, которые в обязательном порядке заносятся в протокол судебного заседания (часть 4 статьи 292 УПК). Кроме того, вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности принимается не судом, а независимым органом — Комиссией по этике, которая вправе как согласиться с выводами суда, изложенными в частном определении, так и отказать в возбуждении дисциплинарного производства. А адвокат наделен правом участвовать в заседании Комиссии по этике, представлять свои доводы и обжаловать принятое решение в судебном порядке.

С учетом изложенного, Молдобаев А.Т. считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

Представители Верховного суда Кыргызской Республики, Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, а также Министерства юстиции

Кыргызской Республики выразили позиции, совпадающие с аргументами стороны-ответчика и постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики относительно рассматриваемого вопроса.

Представитель Адвокатуры Кадырова А.А. отметила, что часть 2 статьи 307 УПК порождает правовую неопределенность и приводит к смешению процессуальных и дисциплинарных механизмов ответственности. По ее мнению, данная норма фактически наделяет суд правом инициировать привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности, что выходит за пределы процессуальной компетенции суда и нарушает закрепленные Конституцией гарантии самостоятельности, независимости адвокатуры, а также ее свободы в осуществлении защиты.

Кадырова А.А. подчеркнула, что вопросы привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности относятся исключительно к компетенции органов адвокатского самоуправления. В соответствии с пунктом 3 части 3 статьи 8-1 Закона «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» предметом рассмотрения Комиссии по этике является обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес Комиссии. В таких случаях законодатель наделил суд правом направить в адрес Адвокатуры письмо (обращение), содержащее сведения о нарушении адвокатом норм профессиональной этики и просьбу рассмотреть вопрос о его дисциплинарной ответственности. По мнению Кадыровой А.А., частное определение суда не относится к числу предусмотренных законом форм обращений и, следовательно, не может являться предметом рассмотрения Комиссии по этике.

Таким образом, как указано в позиции Адвокатуры, возложение на суд функций стороны процесса и одновременно инициатора дисциплинарной ответственности противоречит статьям 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2

статьи 61, статье 64 Конституции и международным стандартам независимости адвокатской деятельности.

Кроме этого, относительно ограничения права на обжалование частного определения представитель Адвокатуры отметила, что в соответствии со статьями 408, 416 и 417 УПК апелляционная инстанция проверяет законность, обоснованность и справедливость приговоров и иных судебных актов, однако не наделена полномочиями пересматривать частные определения суда. В то же время часть 2 статьи 401 УПК предусматривает возможность обжалования отдельных процессуальных решений суда, в том числе решений о мерах по обеспечению порядка в зале судебного заседания, одновременно с итоговым судебным актом. Тем не менее, частное определение, вынесенное в отношении адвоката, фактически не имеет эффективного механизма пересмотра.

В результате, сложившаяся правовая конструкция создает ситуацию, при которой затрагиваются права и профессиональная репутация адвоката, но отсутствует реальное средство судебной защиты. Это, по мнению представителя Адвокатуры, образует так называемую «правовую ловушку» и ограничивает гарантированное Основным законом право на обжалование судебных актов.

Учитывая изложенное, представитель Адвокатуры полностью поддержала доводы обращающейся стороны и считает, что оспариваемые нормы противоречат Конституции.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются часть 2 статьи 307, статья 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенные в следующих редакциях:

«Статья 307. Меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании

2. При неподчинении обвинителя или адвоката распоряжениям председательствующего слушание дела по постановлению судьи, определению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для дела заменить данное лицо другим. Одновременно суд выносит частное определение и направляет вышестоящему прокурору или в соответствующий орган и (или) адвокатуру.».

«Статья 417. Виды решений, принимаемых судом апелляционной инстанции

1. Суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения уголовного дела постановляет одно из следующих решений:

1) приговор об оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, а апелляционных жалобы или представления - без удовлетворения;

2) определение об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции и о постановлении оправдательного приговора либо определение о прекращении дела;

3) приговор об изменении приговора суда первой инстанции;

4) определение об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и о постановлении обвинительного приговора;

5) определение об отмене постановления о прекращении дела и направлении дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение в случаях существенных нарушений уголовно-процессуального закона;

6) определение об оставлении постановления суда первой инстанции или постановления следственного судьи без изменения, а апелляционных жалобы или представления - без удовлетворения;

7) определение об изменении постановления суда первой инстанции и постановления следственного судьи;

8) определение об отмене постановления суда первой инстанции или постановления следственного судьи и вынесение нового определения;

9) определение об отмене обвинительного приговора и направлении дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение;

10) определение о прекращении апелляционного производства.».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 16 ноября 2021 года, №122-123, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Признание государством права каждого на судебную защиту является краеугольным элементом правового государства и одним из ключевых условий построения справедливого общества. Закрепление этого права в Конституции (статья 61) предполагает не декларацию, а наличие действенных гарантий и эффективных механизмов, позволяющих реализовать это право в полном объеме и обеспечить восстановление нарушенных прав посредством правосудия.

Справедливое общество — это не пространство, свободное от конфликтов, а место, в котором любой конфликт разрешается цивилизованно и институционально — в суде, как в единственно легитимной альтернативе самоуправству и «праву сильного». Именно работающая судебная система формирует доверие к институтам государства и закону в целом, делая риторику о справедливости содержательной практикой.

Орган конституционного контроля в своих решениях неоднократно подчеркивал, что первостепенная и практическая значимость права на

судебную защиту состоит в том, что оно выступает универсальным средством восстановления и охраны всех других прав и свобод человека и гражданина. Содержание указанного права охватывает не только формальную возможность инициировать судебное разбирательство, но и процессуальные гарантии эффективности и справедливости правосудия (решения от 21 февраля 2014 года, 9 декабря 2015 года, 1 ноября 2018 года, 24 января 2018 года, 16 января 2019 года, 16 сентября 2020 года, от 21 сентября 2022 года).

Эти подходы согласуются с универсальными стандартами международного права — статьями 8, 10 Всеобщей декларации прав человека и статьями 2, 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, — обязывающими государства обеспечивать эффективные средства правовой защиты и рассмотрение дел независимым и беспристрастным судом при соблюдении всех требований справедливости.

Правосудие, таким образом, следует понимать не как разовую «услугу» государства, а как устойчивый правовой режим, обеспечивающий предсказуемость правоприменительной практики. Его качество определяется не только содержанием судебного акта, но и степенью точного и надлежащего соблюдения процессуальных регламентов, обеспечивающих справедливость, законность и легитимность принимаемых судами решений.

Поэтому соблюдение установленных судебных процедур имеет принципиально важное значение, поскольку именно они поддерживают непреклонный авторитет суда и судебной власти.

Судебные процедуры не сводятся к формализму или «технической оболочке». Это целостная нормативная архитектура, поддерживающая высокий статус судов и гарантирующая, что правосудие функционирует как институт цивилизованного разрешения социальных конфликтов, а не как арена для столкновения частных интересов.

Только правопорядок в ходе судебного разбирательства может обеспечить достойное исполнение судами своей высокой миссии с тем, чтобы правосудие оставалось непоколебимым, а закон — торжествующим.

3. Поддержание надлежащего правопорядка приобретает особое значение в сфере уголовного судопроизводства, где затрагиваются наиболее существенные блага личности — жизнь, свобода, честь и достоинство. Особенность этого вида судопроизводства заключается в том, что оно направлено на установление виновности или невиновности лица в совершении преступления, что требует от государства особых гарантий соблюдения справедливости, презумпции невиновности и обеспечения прав сторон — обвинения и защиты на состязательность и равенство.

Суд обязан не только рассматривать доказательства, но и обеспечивать законность практического ведения судопроизводства. Эта деятельность суда включает в себя не только формальные процессуальные действия, но и организационные аспекты судебного разбирательства, без которых невозможно обеспечить уважение к суду и справедливое рассмотрение дела. В этом контексте суд выступает ответственным за соблюдение порядка, дисциплины и процессуальной корректности всех участников. В его обязанности входит обеспечение надлежащего течения судебного процесса, не допущение нарушений, препятствующих объективному рассмотрению дела, своевременное принятие мер для пресечения злоупотребления процессуальными правами и неуважения к суду. Эта функция суда является неотъемлемой частью судейского усмотрения, направленного на поддержание авторитета суда и защиту интересов правосудия.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, суд обязан обеспечивать порядок в судебном заседании, а участники процесса обязаны соблюдать установленные правила поведения (главы 41- 43 УПК). Судья, как центральная фигура в осуществлении правосудия, несет ответственность за организацию и дисциплину судебного процесса, а его распоряжения обязательны для сторон и иных участников разбирательства.

Обязательность подчинения распоряжениям судьи не является ограничением прав сторон, а напротив — необходимым элементом реализации их права на справедливое судебное разбирательство, так как суд обеспечивает объективность, равенство и уважение к процедуре. Такая власть судьи - не средство давления — она основана на необходимости охранять достоинство суда и создавать условия для надлежащего отправления правосудия в соответствии с законом и принципами справедливости. Следовательно, полномочие судьи по поддержанию порядка — это не проявление произвольной власти, а служит обеспечению процессуальной дисциплины в целях защиты интересов правосудия и прав всех участников процесса.

Как уже отмечалось выше, соблюдение порядка судопроизводства и признание авторитета судьи (суда) — это не только процессуальная обязанность сторон, но и конституционная гарантия эффективного осуществления судебной власти и реализации права на справедливое судебное разбирательство. Исходя из этого, неподчинение законным распоряжениям судьи подрывает саму основу судебной власти и нарушает гарантии эффективного и беспристрастного рассмотрения дела.

Суд, в данном контексте наделен специальными процессуальными инструментами принуждения и реагирования на действия, нарушающие установленный порядок судебного разбирательства. Эти инструменты имеют правовую природу мер непосредственного воздействия суда, направленных не на наказание, а на обеспечение авторитета правосудия, защиты процессуальных прав сторон и поддержание условий для объективного и беспристрастного рассмотрения дела. К числу таких мер относятся: предупреждение — как превентивная мера воздействия, направленная на пресечение неуважительного поведения, с указанием на недопустимость дальнейших нарушений; удаление из зала судебного заседания — для лиц продолжающих нарушать порядок после предупреждения, если их поведение препятствует нормальному ходу судебного разбирательства; наложение

штрафа — как мера юридической ответственности, предусмотренной процессуальным законодательством, за отказ подчиниться распоряжениям председательствующего, а также за иные действия, подрывающие авторитет судебной власти; вынесение частного определения — как инструмент судебного реагирования, направленный на устранение выявленных причин, способствующих нарушениям процессуальной дисциплины, а также на предупреждение подобных нарушений в будущем.

Указанные меры реализуют властные полномочия суда в рамках его конституционной функции по осуществлению правосудия и обеспечению надлежащего судопроизводства. Их применение должно быть строго соразмерным характеру нарушения, не выходить за пределы процессуальных полномочий суда и соответствовать принципам необходимости, справедливости и уважения к достоинству личности.

4. Частное определение суда, выносимое в случаях нарушения порядка ведения судебного процесса, представляет собой особую форму процессуального реагирования суда, направленную на обеспечение надлежащего осуществления правосудия и поддержание процессуальной дисциплины в судебном заседании. В отличие от других мер процессуального принуждения, частное определение не имеет характера санкции или наказания. Оно носит предупредительный или превентивный характер, служит формой выражения позиции суда по фактам ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей участниками процесса и направлено на устранение причин и условий, способствующих нарушению установленных правил.

Законодатель, закрепляя возможность вынесения частного определения в уголовном судопроизводстве, ограничил круг субъектов, в отношении которых оно может быть вынесено, — обвинитель (прокурор) и защитник (адвокат) (часть 2 статьи 307 УПК). Это обусловлено особым публично-правовым статусом данных участников процесса, чья деятельность непосредственно связана с реализацией конституционно значимых функций:

прокурор представляет государство и поддерживает обвинение от имени общества; адвокат осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого.

В отличие от иных участников процесса (обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов и других) прокурор и адвокат действуют в рамках профессиональной юридической деятельности, которая подлежит институциональному контролю со стороны соответствующих органов — прокуратуры и Адвокатуры. Именно поэтому, реагирование суда на допущенные ими нарушения осуществляется не путем применения процессуальных санкций, а посредством вынесения частного определения, направляемого в соответствующий профессиональный орган.

Исходя из необходимости обеспечить прозрачность, правовую определенность и документальную фиксацию позиции суда в мотивированном виде, законодатель закрепил современную форму выражения судебной реакции — частное определение, пришедшее на смену прежнему институту письменного сообщения. Придание ему формы официального процессуального акта имеет принципиальное значение, поскольку обеспечивает соблюдение единых стандартов и делает судебное реагирование открытым, а также способствует реализации принципа процессуальной ответственности участников судопроизводства.

Тем самым, содержание и форма частного определения предопределяют и его пределы: оно служит средством процессуального реагирования, а не разрешения спора по существу. В этой связи границы применения частного определения должны рассматриваться строго в контексте его процессуального назначения.

При этом частное определение не должно и не может оценивать правомерность избранной процессуальной стратегии стороны или содержательную позицию обвинения/защиты; оно фиксирует лишь нарушения процедурных и этических стандартов (например, неявки без уважительных причин, нарушения порядка судебного заседания,

сознательное искажение содержания документа и т.д.). Перевод таких оценок в плоскость уголовного дела создавал бы риск давления на тактику стороны и подмены состязательности контролем за профессиональными суждениями. Иными словами, является совершенно недопустимым превращение оценки профессионального поведения в «санкцию за позицию».

Частное определение, таким образом, не содержит признаков дисциплинарного взыскания и не порождает прямых негативных последствий для лиц, в отношении которых оно вынесено. Оно инициирует обязательную проверку компетентным органом адвокатского самоуправления или прокурорского надзора, в рамках которой сохраняются все гарантии их самостоятельности, беспристрастности и права на защиту.

Такой подход отвечает принципу взаимного уважения и конституционной независимости различных институтов правосудия, поскольку суд не подменяет собой органы прокурорского надзора или адвокатского самоуправления, но при этом информирует их о выявленных нарушениях, предоставляя возможность надлежащего реагирования в пределах их компетенции. Соблюдение такого паритета отвечает конституционным принципам непоколебимости судебной власти и институциональной самостоятельности профессиональных сообществ, способствуя укреплению доверия общества к правосудию в целом.

5. Конституционная норма, закрепляющая, что организация и порядок деятельности адвокатуры как самоуправляемого профессионального сообщества адвокатов, а также права, обязанности и ответственность адвокатов определяются законом (статья 64), выражает принцип институциональной самостоятельности Адвокатуры и гарантирует независимость адвокатов при осуществлении ими профессиональной деятельности. Данная норма имеет целью обеспечить функциональную независимость Адвокатуры как неотъемлемого элемента правосудия, без которой невозможно эффективное осуществление права граждан на судебную защиту.

Закон «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» конкретизирует положения статьи 64 Конституции, устанавливая правовые основы Адвокатуры, адвокатской деятельности, а также права, обязанности и ответственность адвокатов.

В соответствии со статьями 8 и 8-1 данного Закона вопросы дисциплинарной ответственности адвокатов отнесены к компетенции Комиссии по этике — постоянно действующего независимого органа адвокатского самоуправления, наделенного полномочиями рассматривать обращения о нарушении норм профессиональной этики и определять вид дисциплинарной ответственности в установленном порядке. В числе предусмотренных Законом оснований для рассмотрения таких обращений прямо указано обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат.

Именно это процессуальное взаимодействие между судом и Адвокатурой, по мнению заявителей и представителей Адвокатуры, породило несогласованность правового регулирования между оспариваемой частью 2 статьи 307 УПК и Законом «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», поскольку в последнем предусмотрен иной порядок реагирования на нарушения, допущенные адвокатом в ходе судебного заседания — путем направления письма (обращения) суда, а не частного определения. По их мнению, это различие свидетельствует о несогласованности правового регулирования и различии в юридической природе указанных актов, что, как они утверждают, создает риск подмены процессуальных механизмов дисциплинарными и нарушает институциональную автономию Адвокатуры, гарантированную статьей 64 Конституции.

Конституционный суд не находит основания для признания подобной несогласованности. Различие в терминологии между процессуальным и специальным законодательством не свидетельствует о противоречии, поскольку и частное определение, и обращение (письмо) суда выполняют

тождественную, по сути, функцию — информирование органов адвокатского самоуправления о выявленных в судебном заседании фактах, которые могут указывать на нарушения норм профессиональной этики или процессуальных обязанностей. Закон «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» не исключает возможности получения таких материалов в любой документальной форме, если она не искажает правовую природу взаимодействия между судом и Адвокатурой. Соответственно, направление судом частного определения в адрес Адвокатуры не может рассматриваться как вмешательство в ее внутренние дела или как форма предreshения вопроса о вине адвоката.

Таким образом, как ранее уже было отмечено, правовой статус частного определения исключает возможность придания ему характера дисциплинарного предписания. В этой связи Конституционный суд вновь подчеркивает, что суд при вынесении частного определения не вправе указывать Адвокатуре на необходимость применения конкретного вида дисциплинарной ответственности, давать оценку степени вины адвоката либо формулировать предписания об обязательности привлечения его к ответственности. Суды должны подходить к вынесению частного определения предельно ответственно и объективно, поскольку этот акт при его неразумном применении может иметь необоснованно негативные последствия и сформировать искаженную оценку сложившейся ситуации не только компетентными органами, но и общественностью.

Адвокатура, в свою очередь, не вправе игнорировать поступившие из суда частные определения, ссылаясь лишь на то, что в законе употреблен термин «сообщение» или «обращение». Независимо от формы, содержание таких актов сводится к уведомлению о возможных нарушениях, и именно Комиссия по этике адвокатов, обладая полномочиями независимого дисциплинарного органа, обязана рассматривать поступившие материалы в установленном законом порядке, обеспечивая независимость, беспристрастность и гарантии права адвоката на защиту. Следовательно,

положения части 2 статьи 307 УПК следует понимать в системной связи со статьей 64 Конституции и Законом «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», исходя из того, что направление частного определения представляет собой информационный механизм взаимодействия между судом и Адвокатурой, не затрагивающий независимость последней и не преддрешающий вопрос о привлечении адвоката к ответственности.

6. Конституция Кыргызской Республики в статье 100 закрепляет основополагающие принципы судебной деятельности и процессуальных гарантий лиц, участвующих в судопроизводстве. Так, нормы части 4, 5 статьи 100 устанавливают, что отмена, изменение или приостановление судебного решения осуществляются судом в установленном законом порядке; процессуальные права участников судебного процесса, а также права лиц, чьи права и интересы были затронуты решениями судов, в том числе право на обжалование решений, приговоров, а также порядок их осуществления определяются законом. Смысл данных конституционных положений состоит в том, что Конституция закрепляет принцип процессуальной определенности, согласно которому право на судебную защиту реализуется в установленных законом формах и пределах.

Законодатель, исходя из конституционного разграничения компетенций, вправе дифференцировать виды судебных актов, придавая им различную юридическую силу и определяя возможность их пересмотра или обжалования. Отмена или изменение судебных решений допускаются только в отношении тех актов, которые затрагивают права, свободы и законные интересы участников процесса по существу дела — то есть имеют материально-правовые или процессуально-значимые последствия, влияющие на исход спора, приговора или иного разрешения дела по существу.

Частное определение суда, напротив, не является судебным решением в традиционном или материально-правовом смысле. Оно не затрагивает предмета судебного разбирательства, не содержит выводов о правах и обязанностях сторон, не изменяет и не прекращает их процессуального

статуса. По своей сути, как уже отмечалось выше, частное определение представляет собой информационно-превентивный акт реагирования суда, направленный на устранение выявленных нарушений или причин, способствовавших им, а также не порождает правовых последствий для участников процесса по существу дела.

В этой связи отсутствие установленной законом процедуры его обжалования в уголовно-процессуальном законе (оспариваемая норма - статья 417 УПК) не может рассматриваться как ограничение или нарушение конституционного права на судебную защиту, гарантированного статьей 61 Конституции.

Право на судебную защиту предполагает возможность обжалования тех судебных актов, которые по своей юридической природе и фактическому воздействию затрагивают сферу субъективных прав и процессуальных гарантий участников, определяют ход и исход судебного разбирательства и создают риск невосполнимого ущерба, а не актов суда, имеющих превентивно-коммуникативное значение.

Такой подход соответствует принципам отправления правосудия и стабильности судебных решений, исключает возможность использования процедур обжалования как инструмента злоупотребления процессуальными правами.

Следовательно, исходя из конституционного смысла положений частей 4, 5 статьи 100 Конституции, Конституционный суд приходит к выводу, что частные определения суда не затрагивают предмета судебного разбирательства и не несут в себе процессуального значения по существу рассматриваемого дела, а потому отсутствие возможности их обжалования в вышестоящих судебных инстанциях не может рассматриваться как нарушение конституционного права на судебную защиту.

При этом решения Адвокатуры, вынесенные по результатам рассмотрения частных определений суда в отношении адвокатов, могут быть

предметом судебного обжалования, что обеспечивает соблюдение конституционных гарантий права граждан на судебную защиту.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать часть 2 статьи 307, статью 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими статье 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64, частям 4, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**